

Борис ПЕТРУШАНСКИЙ:

КОГДА РУССКИЙ ПИАНИСТ ПОКАЗЫВАЕТ НОТЫ, В ЖЮРИ НАЧИНАЕТСЯ ХОХОТ

Визит клуб - 2000 - 29 сент. - 47.

Один из самых наших умных музыкантов, ученик легендарного Наумова, пианист Борис Петрушанский бывает теперь в Москве только наездами — он давно работает в Италии. Накануне Международного дня музыки, 1 октября, самое время поговорить с ним и о том, чем московская консерватория отличается от европейских, и о том, насколько котируются наши музыканты на Западе, а заодно — выяснить его мнение о некоторых знаменательных событиях в музыкальной жизни столицы.

— Говорят, что у нас лучшее в мире музыкальное образование. Что из Московской консерватории выходят законченные музыканты.

— Законченный музыкант — это тот, кого хоронят.

— Но все-таки я не очень понимаю, почему они едут в Италию, чтобы за деньги совершенствоваться там у выпускника той же Московской консерватории Петрушанского.

— Тенденция уезжать к русским же педагогам, но за границу, сейчас очень сильна. Торадзе и Вилардо преподают в Америке, Крайнев в Германии, Яглинк и Берзон в Хельсинках, Башкиров в Испании... Студент или выпускник Московской консерватории, получив небольшую премию на каком-нибудь международном конкурсе, начинает ездить на нее туда-сюда, совершенствоваться. Но овчинка стоит выделки. Музыкант, может быть, всю жизнь нуждается в ком-то, кто время от времени протирает ему очки. И желательно имеет прогрессивный, европейский взгляд.

— Что это еще за прогрессивный взгляд?

— В России едят щи, в Европе — бульон. Когда ко мне в Италию приезжают из России и играют сонату Моцарта в допотопной редакции Гольденвейзера, я уже точно знаю, что этого делать нельзя. Сейчас идеальная точка отсчета — издание «Беренрайтер», а в Москве его ни купить, ни в библиотеке достать.

— То есть русское исполнение западных классиков несостоятельно?

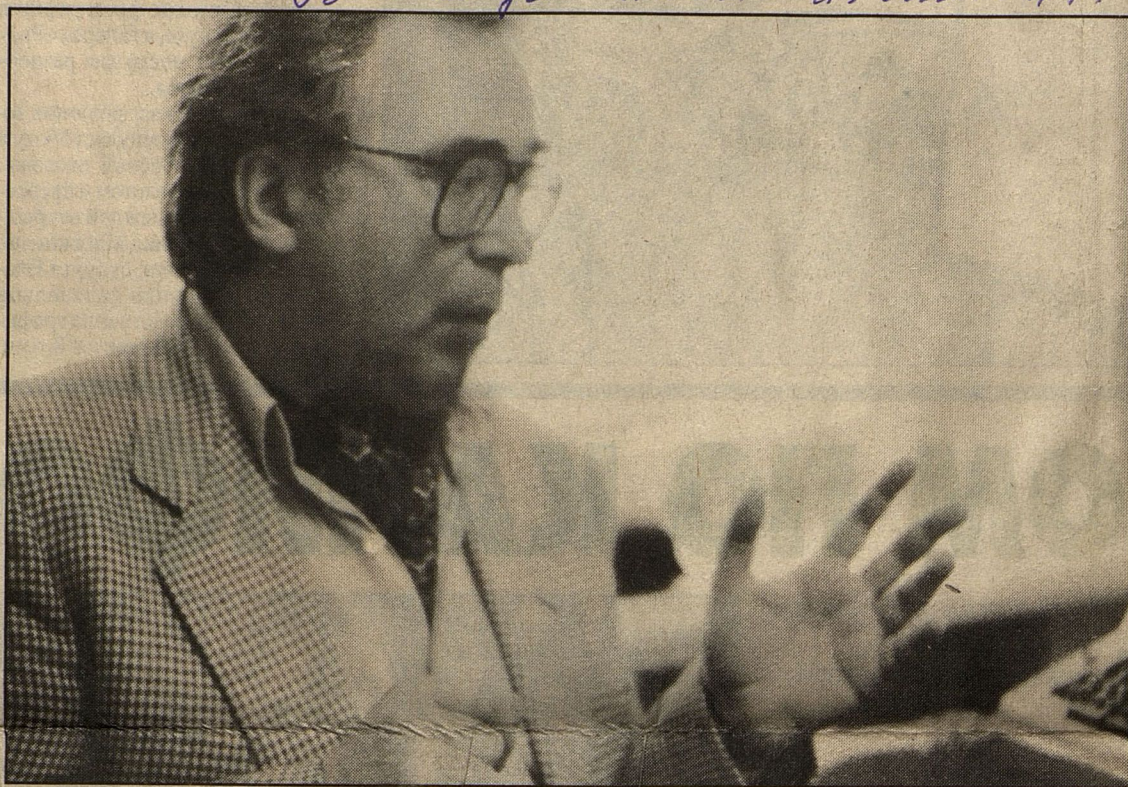

Фото Игора ИВАНЦОВА

— Часто на каком-нибудь конкурсе жюри морщится: русский пианист играет Моцарта жирным звуком, не с той педалью. Где ноты взял? Он показывает ноты — в жюри начинается саркастический смех. Ну на кой черт нужен этот провинциальный налет!

— Только не говорите, что среди наших пианистов нет и не было признанных интерпретаторов Моцарта.

— Считается, что русская водка лучше. Что русские пианисты, конечно же, лучше всех играют Рахманинова и Прокофьева. Это узурпированный взгляд на вещи. Ведь Моцарт в исполнении Гилельса и Ашкенази признаны всем миром. Как и Шостакович — в трактовке Караяна или Хайтинка. А как играл Моцарта Ойстрах, не говоря уж о его Бахе!

— Но русским трудно завоевать это реноме?

— Мы ведь чем славимся? Исполнением невероятно личным, пропущенным через себя. Мы всегда «с сердцем в руке», как говорят неаполитанцы.

— Так это изюминка или недостаток?

— Западному слушателю вдобавлена в голову идея русской агрессии: деться все равно будет некуда, будь то КГБ, танки или ядерное оружие. И он предпочитает эту агрессию, русскую мощь в виде Пятой симфонии Чайковского или Восьмой Шостаковича. Он понимает, что гигантские оперы «Катерина Измайлова» и «Война и мир» созданы великой нацией. И в принципе

он хорошо к нам относится. Но с подтекстом: «Занимались бы вы лучше только этим!»

— Кто из современных русских музыкантов сейчас котируется?

— Очень высоко — ленинградские оркестры. Филармонический Темирканова и Мариинский Гергиева. Но парадокс в том, что и Италию, и Францию заполонили своими гастроллями восточноевропейские оркестры, мягко выражаясь, даже не среднего качества. Ловкие агенты за гроши скупают на летние месяцы оркестры из Молдавии, с Украины. Такой оркестр целиком стоит меньше, чем один хороший солист. Гонорар большого артиста за выступление — десять тысяч долларов, а у такого оркестра вместе с дирижером — пять!

Они проходят под самыми фантастическими названиями. Большой частью под шапкой «большой академический симфонический». Донецкая опера, кишиневская филармония... Да еще варьируют эти названия. Получается то Лев Маргаритыч, то Маргарит Львович. А бывает так, что импресарио подписывает контракт на приезд из России оркестра, в название которого заложено имя Чайковского. Хорошо бы, чтоб это был Большой симфонический имени Чайковского под управлением Федосеева. Но в итоге приезжает оркестр имени Чайковского из Удмуртии, играет на роскошных развалинах виллы Адриана...

— Возят, конечно, Первый концерт и Шестую симфонию Чайковского да два Концерта Рахманинова?

— С Чайковским ничто не может сравниться по ожидаемости. Из его симфоний — очень популярны еще Четвертая и Пятая.

— На втором месте, наверное, Третий концерт Рахманинова?

— Его тоже ждут всегда. Хотя жаргонное «Третий Рэк» — это сокращенно от «Рахманинов» — я просто слышать не могу.

— А из советских?

— Третий концерт Прокофьева и сюита из его балета «Ромео и Джульетта». Я по своим друзьям-невеждам знаю, что они вошли в мир Прокофьева, в мир музыки благодаря «Ромео и Джульетте».

— А «Петя и волк»? Неужели тоже играют? «Рано утром пионер Петя вышел на прогулку...»

— Еще как! Есть даже знаменитая запись: дирижирует Клаудио Аббадо, а текст читает Роберто Бенини, который «Оскара» получил за фильм «Жизнь прекрасна». Они там еще такой бис придумали: будто в архивах Кремля и КГБ обнаружены сведения, что дедушка съел волка! Бенини рассказывает всю эту бредуху, чуть ли не запыривая на дирижерский пульт, а Аббадо давится от смеха, только что не падает.

— Много ли звучит Шостакович?

— Ну, он в мире по исполнению вообще где-то пятый после Бетховена, Моцарта, Брамса и Малера.

— А как там, в Европе, Кисин?

— И Кисин хорошо, и Григорий Соколов прекрасно, и Владимир Ашкенази, и Станислав Бунин котируется. Из иностранных пианистов

— Мюрей Перайя, Маурицио Поллини, Кристиан Цимерман, Радугу Лупу. Очень высоко Андриаш Шифф — он теперь живет в Италии. Марта Аргерих вообще популярна как Мадонна. Неопишутый успех у виолончелиста Миши Майского. Из скрипачей сотни концертов в год дают Максим Венгеров, Анна-Софи Мутер, Гидон Кремер, Ицхак Перлман.

— Почему Академия в Имоле, где вы работаете больше десяти лет, называется «Встреча с маэстро»?

— Она выросла из домашних посиделок. Почти 20 лет назад ее основатель Франко Скала начал приглашать к своим ученикам на 2-3 дня какую-нибудь знаменитость, которая на уроках переворачивала все с ног на голову. Приезжали Никита Магалов, Йорг Демус, Пауль Бадура-Шкода, Хоакин Ачукарро, Николай Петров, Лазарь Берман, Владимир Ашкенази. В последний день пребывания корифея в студию набивалось до 90 человек. Франко в конце концов пошел к мэру Имолы — и тот передал ему часть крепости Рокка Сфорцеска. Обратился к фирме «Ямаха» — та выделила четыре концертных рояля и четыре кабинетных. Потом к банку — получил деньги на содержание. А в этом году городские люди предоставили студентам 50 стипендий по 2 тысячи долларов.

— Вы сами учились у знаменитого Льва Наумова. Вы что-то взяли из его школы?

— Лев Николаевич создает такие этические условия, при которых стыдно играть хуже. Вот вы сыграли ему что-нибудь, а он говорит: «Жалко...» А что — жалко? Музыку? Тебя ему жалко? Себя? Времени? При этом он никогда не вбивает в тебя осинового кола: «Бездарь! Что ты мне принес!» Магнетизм его обаяния столь высок, что ученик после урока пулей бежит искать возможность что-то поправить, улучшить. Хотя, казалось бы, ничего не сказано: иди туда не знаю куда... и чтоб завтра мост построить... и чтоб апельсин росли...

— А у нас тут новость: Геннадий Рождественский назначен худруком Большого театра. От него тоже хотят, чтоб апельсин росли. Вы как к нему?

— Я отношусь к нему с глубочайшим уважением. Это дирижер гениальной одаренности. Я уверен, он во многом повлияет на развитие, по крайней мере, вокальной школы в Большом театре. Если наконец начнут ставить Берга, Яначека, Вагнера — нужны будут другие голоса, другой тип вокальной педагогики, режиссуры, вообще всего.

— Есть еще одна новость: в Москве, на Красных холмах, заложили Международный Дом му-

зыка, где будет несколько концертных залов с хорошей акустикой.

— На Красных холмах? По-моему, это труднодоступное и малосимпатичное место. К тому же там никогда не было культурного пространства.

— Про Театр на Таганке тоже так говорили, однако теперь Таганка для культурной Москвы — прежде всего любимовский театр.

— Не знаю. Мне кажется, это строительство затеяли очень отважные господа. Они рассчитывают, что московские старухи, шаркая валенками, поплетутся туда в двадцать градусов мороза? А может, этим господам важнее шаркнуть там колесами своих «мерседесов»? По Большой Никитской сняли пятый маршрут троллейбуса, и я по своей маме знаю, что теперь от остановки до консерватории пешком приходится пройти приличный шмат. Но когда в мороз идешь туда в Большой зал, хоть знаешь, за что страдаешь.

— А что, в Риме, например, все новые концертные залы строят в центре?

— Там же в центре ничего нельзя копать. Они даже метро не могли построить долгие годы. Конешно — а там античная фреска. Так что новый зал «Аудиториум» строят сейчас на выселках, это примерно как у нас было бы за Лужниками...

— А вы говорите — Красные холмы...

— Просто я Москву воспринимаю, как архаичный, теплый город, в котором неуместны резкие движения бедром. Я же в Москве бываю, у меня тут квартира, у меня жена работает в Институте искусствознания.

— Чем жена занимается?

— Заканчивает книжку «Музыка и Бродский». Мы такое устроили в Венеции к его 60-летию! Там проходила конференция, а Елена занималась организацией концертов. Выступал квартет из Санкт-Петербурга — музыканты, которые лично знали Бродского. Они играли Гайдна и Шостаковича, которого судьба косвенно свела с Бродским: Шостакович подписал письмо в его защиту. В концертах звучали фрагменты из оперы «Дидона и Эней» Перселла, которую Бродский не только любил, но и писал о ней. Этот маленький фестиваль почтили своим участием Владимир Ашкенази, Дима Ситковецкий, Лиза Леонская, которая с Бродским дружила. Мы хотим попробовать открыть в Венеции доску в память о Бродском. Но, оказывается, даже на одно только разрешение требуется масса времени и средств, гораздо больше, чем в Москве.

Встречалась Наталья ЗИМЯНИНА

29.9.2000

Петрушанский Борис